

Шопенгауэр Артур

**Эристика или искусство
спорить**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
А86

А86 **Артур Ш.**
Эристика или искусство спорить / Шопенгауэр Артур – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 78 с.

ISBN 978-5-521-31479-9

ISBN 978-5-521-31479-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

діалоговъ Платона и логическихъ изслѣдованій Аристотеля.

Едва ли не еще большее значеніе получаетъ изученіе логики въ теченіи среднихъ вѣковъ, но здѣсь оно направляется почти исключительно на внѣшнюю формальную сторону мышленія. Скованная внѣшнею формой, лишённая самостоятельнаго содержанія, средневѣковая схоластика теряется въ подробностяхъ, не имѣющихъ интереса для людей, стоящихъ внѣ ея заколдованнаго круга.

Отсюда понятна реакція противъ нея въ новой философіи, заставляющая Декарта выбросить за бортъ, какъ безполезныя, логическія формулы, незыблемыя со временъ Аристотеля, чтобы замѣнить ихъ нѣсколькими простыми и общедоступными правилами. Однако уже Лейбницъ жалуется на то, что пренебреженіе къ формальной логикѣ идетъ слишкомъ далеко и указываетъ на то, что многіе споры не оставались бы столь безплодными, если бы только противники дали себѣ трудъ обратить ихъ въ формальные аргументы.

Несмотря на это, логика, какъ систематическое мышленіе и аргументація, все болѣе вытѣсняется

такъ-называемой „логикой фактовъ“, которая гораздо доступнѣе и привлекательнѣе, такъ какъ почти всегда состоитъ лишь въ болѣе или менѣе искусномъ подборѣ фактовъ, изъ которыхъ каждый выводить затѣмъ что ему вздумается; а такъ какъ то же самое и съ такимъ же правомъ можетъ сдѣлать его противникъ, то споръ и сводится на такую почву, гдѣ доказать ничего невозможно и гдѣ каждый, если не можетъ рассчитывать на побѣду, по крайней мѣрѣ совершенно застрахованъ отъ пораженія.

Только въ одной сферѣ современной жизни сохранилось еще требованіе болѣе или менѣе строгой логической формы, а именно въ судѣ. Въ сущности каждый процессъ есть силлогизмъ, въ которомъ одна посылка дана закономъ, а другая должна содержаться въ обстоятельствахъ дѣла. Задача суда — найти средній терминъ, который обуславливаетъ необходимость заключенія, т.-е. приговора или рѣшенія.

Къ сожалѣнію, условія и цѣль судебного краснорѣчія вообще и въ современномъ процессѣ въ особенности превращаютъ обыкновенно діалектику,

необходимую для освѣщенія истины, въ софистику, преслѣдующую совершенно постороннія цѣли.

Но если отвлеченныя діалектическія тонкости, занимавшія древнихъ Грековъ, потеряли, повидимому, всякій интересъ въ глазахъ современнаго общества — оно не перестаетъ однако то и дѣло безсознательно пользоваться ими въ спорахъ. Вотъ почему Эристика Шопенгауэра, представляющая въ сжатой и относительно доступной формѣ нѣкоторые изъ діалектическихъ пріемовъ, не лишена и для нашей публики интереса, несмотря на то, что, какъ сочиненіе посмертное, она не вполне отдѣлана, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя повторенія и вообще не носитъ характера той художественной законченности, которыми отличаются другіе труды Шопенгауэра. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Фрауэнштедтъ, „Эристика“ имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что она открываетъ сторону человѣческой природы, хотя и не похвальную, но такую, которая играетъ однако немаловажную роль въ духовномъ взаимодействіи людей и которую надо знать, чтобы защищаться противъ нея. Всѣмъ тѣмъ, кого ихъ

призваніе или общественное положеніе приводить въ столкновеніе съ стремленіемъ людей казаться правыми во что бы то ни стало (Rechthaberei), полезно будетъ узнать тѣ стереотипныя хитрости и уловки, которыми пользуется это стремленіе и средства для отраженія ихъ.

Манускриптъ „Эристики“, напечатанной впервые Фрауэнштедтомъ вскорѣ послѣ смерти Шопенгауэра, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими статьями (Aus Arthur Schopenhauer's handschriftlichem Nachlass. Leipzig, Brockhaus, 1864) по мнѣнію издателя относится къ 1820 г. Позднѣе, когда Шопенгауэръ вздумалъ пересмотрѣть эту работу, онъ уже не нашелъ нужнаго настроенія, чтобы довести ее до конца.

Кн. Д. Цертелевъ.

I.

ЭРИСТИКА.

Логика и діалектика употреблялись уже древними какъ синонимы, хотя λογίζεσθαι *обдумывать, обсуждать, разсчитывать* и διαλέγεσθαι *разговаривать*, вещи весьма различныя.

Это употребленіе словъ *логики* и *діалектики* какъ синонимовъ сохранилось и въ теченіе среднихъ вѣковъ и дошло до нашего времени. Однако, въ новыя времена нѣкоторые, особенно Кантъ, часто употребляли слово діалектика въ дурномъ смыслѣ, какъ „софистическое искусство спора“ и потому предпочитали названіе *логики*, какъ болѣе невинное. Но оба въ сущности означаютъ одно и то же, и въ послѣдніе годы ихъ опять уже стали считать синонимами.

Жаль, что, *діалектика* и *логика* издревле употреблялись какъ синонимы, и потому я не вполне свободенъ и не могу раздѣлить, какъ хотѣлось бы, ихъ значеніе и опредѣлить логику какъ „науку

о законахъ мышленія, т.-е. способахъ дѣйствія разума“ (отъ λογίζεσθαι, *обдумывать, разсчитывать*, происходящаго въ свою очередь отъ λόγος, *разумъ* или *слово* — понятій неразрывно связанныхъ) и *діалектику* (употребляя это слово въ современномъ смыслѣ) какъ „искусство спорить или бесѣдовать“ (отъ διαλέγεσθαι). Но каждая бесѣда состоитъ въ сообщеніи фактовъ или мнѣній, т.-е. бываетъ историческою, или же представляетъ собой обсужденіе чего-либо. Такимъ образомъ, очевидно, что логика имѣетъ предметъ данный вполне а priori, безо всякой эмпирической примѣси — законы, мышленія, способъ дѣйствія разума — законы, которымъ разумъ слѣдуетъ предоставленъ самому себѣ, когда ему ничто не мѣшаетъ, слѣдовательно, при одинокомъ мышленіи разумнаго существа, которое ничѣмъ не вводится въ заблужденіе. Діалектика, напротивъ того, разсматривала бы совмѣстную дѣятельность двухъ разумныхъ существъ, которыя думаютъ вмѣстѣ, а отсюда непосредственно слѣдуетъ *споръ*, т.-е. духовная борьба, если только они несогласны между собою, какъ вывѣренные часы. Какъ чистый разумъ, оба индивидуума должны бы быть согласны; ихъ разногласіе зависитъ отъ различій, присущихъ индивидуальности, а потому есть элементъ эмпирическій.

Логику, науку мышленья, т.-е. дѣятельности
 чистаго разума, можно бы построить вполнѣ а priori;
 діалектику же большею частью только а posteriori,
 изъ опытнаго познанія тѣхъ измѣненій, которыя
 претерпѣваетъ чистое мышленіе, вслѣдствіе разли-
 чія индивидуальностей при совмѣстномъ мышленіи
 двухъ разумныхъ существъ, а также тѣхъ средствъ,
 которыми каждый изъ нихъ пользуется, чтобы вы-
 ставить свое индивидуальное мышленіе, какъ чи-
 стое и объективное. Это потому, что человѣку свой-
 ственно при совмѣстномъ мышленіи *διαλέγεσθαι*;
 т.-е. какъ только онъ, при обмѣнѣ мнѣній (за
 исключеніемъ разговоровъ историческихъ), узнаетъ,
 что мысли другого различны отъ его собственныхъ
 о томъ же предметѣ, онъ сначала не провѣряетъ
 собственнаго мышленія, чтобы найти въ немъ
 ошибку, а предполагаетъ ее въ мышленіи другого,
 т.-е. человѣкъ по природѣ своей хочетъ всегда
 быть правымъ; тому же, что вытекаетъ изъ этого
 свойства, учить отрасль науки, которую я хотѣлъ
 бы назвать діалектикою, но которую, во избѣжа-
 ніе недоразумѣній, назову эристическою діалек-
тикою. Она, такимъ образомъ, есть ученіе о
стремленіи человѣка всегда казаться правымъ.
 „Эристика“ была бы только болѣе жесткимъ на-
 званіемъ того же предмета.

Эристическая діалектика есть искусство спорить, и спорить такъ, чтобы всегда оставаться правымъ, слѣдовательно, *per fas et nefas*. Въ существѣ дѣла объективно можно быть правымъ, и все-таки въ глазахъ присутствующихъ, а иногда и въ своихъ собственныхъ, остаться неправымъ: это бываетъ тогда, когда противникъ опровергаетъ мое доказательство и это опроверженіе сходитъ за опроверженіе спорнаго положенія, въ пользу котораго могутъ, однако, существовать другія доказательства; въ такихъ случаяхъ положеніе противника разумѣется обратное: онъ оказывается правымъ, будучи объективно неправъ. Итакъ, объективная истина спорнаго положенія и сила его въ глазахъ спорящихъ и слушающихъ вещи различныя; эристическая діалектика зиждется на послѣдней.

Еслибы не было зла въ человѣческой природѣ, еслибы мы были вполне честны при всякомъ разнорѣчій, мы стремились бы только къ тому, чтобы обнаружить истину, не заботясь о томъ, окажется ли она на сторонѣ мнѣнія, выставленнаго первоначально нами самими, или же нашимъ противникомъ. Это было бы безразлично для насъ или, по крайней мѣрѣ, имѣло бы совершенно второстепенное значеніе. Теперь, наоборотъ, это главное. Врожденное тщеславіе особенно чувствительно от-

носительно всего, что касается силъ разсудка и не хочетъ допустить, чтобы то, что мы утверждали первоначально, было ошибочно, а то, что утверждалъ противникъ, вѣрно.

Въ виду этого каждому слѣдовало бы только не судить иначе какъ правильно, а для этого сначала думать, а потомъ говорить. Но къ врожденному тщеславію у большинства присоединяется болтливость и врожденная недобросовѣстность. Они говорятъ не подумавши и хотя бы потомъ и замѣтили, что утвержденіе ихъ ложно и что они неправы, — они хотятъ, чтобы казалось наоборотъ. Интересъ къ истинѣ, который въ большинствѣ случаевъ былъ единственнымъ мотивомъ при выставленіи положенія, казавшагося истиннымъ, совершенно уступаетъ мѣсто интересу тщеславія: истинное должно казаться ложнымъ, а ложное истиннымъ.

Однако, даже эта недобросовѣстность, упорное отстаиванье положенія, которое намъ самимъ уже кажется ложнымъ, имѣетъ нѣкоторое оправданіе. А именно, въ началѣ спора мы нерѣдко бываемъ глубоко убѣждены въ истинѣ нашего утвержденія, но аргументъ противника, повидимому, совершенно опрокидываетъ его; если мы сразу откажемся отъ нашего утвержденія, намъ часто случается убѣдиться позднѣе, что мы все-таки были правы: доказатель-

ство наше было ошибочно; но для того же утверждения могло быть другое, болѣе вѣрное доказательство; спасающій аргументъ не пришелъ намъ въ голову сразу. Такимъ образомъ въ насъ складывается правило спорить противъ возраженій, хотя бы они казались намъ правильными и убѣдительными въ той увѣренности, что самая правильность ихъ есть только кажущаяся и что въ теченіе спора мы нападемъ еще на такой доводъ, который опровергнетъ его, или на такой, который какъ-нибудь иначе установить истину нашего положенія; благодаря этому, мы, если не вынуждены къ нѣкоторой недобросовѣстности въ спорѣ, то, по крайней мѣрѣ, легко соблазнаемся ею. Такъ взаимно поддерживаютъ другъ друга слабость нашего сужденія и извращенность нашей воли. Отсюда происходитъ то, что спорящій обыкновенно сражается не за истину, а за свое положеніе какъ *pro ara et focus*, и ведетъ дѣло *per fas et nefas* и, какъ сказано, не легко можетъ дѣйствовать иначе.

Итакъ, обыкновенно каждый пожелаетъ провести свое утвержденіе, даже тогда, когда оно ему въ данную минуту кажется ошибочнымъ или сомнительнымъ; Макиавелли совѣтуетъ государю пользоваться каждою минутою слабости своего сосѣда, чтобы напасть на него, такъ какъ въ противномъ случаѣ со-